

В современной войне захватить в одном бою до 450 пленных было, пожалуй, чудом.

Особенно когда реактивные системы залпового огня, самоходные орудия и буксируемые артиллерийские установки наносили точные удары издалека, а переносные ракеты запускались для атаки с близкого расстояния, ни один солдат не выжил бы.

Это было возможно только потому, что казахские солдаты сражались в основном против механизированных войск, но ситуация была бы еще хуже, если бы они открыли огонь по пехоте, у которой вообще не было защиты.

Пехотное подразделение, имевшее относительно слабую огневую мощь, быстро подняло белый флаг, что позволило им спасти половину китайских войск.

Победа стала возможной благодаря тому, что казахские военные отслеживали передвижение китайских войск в Синьцзян-Уйгурском автономном районе с помощью спутника с момента начала движения войск.

Спутник, запущенный с помощью России, оказал большую помощь.

О передвижении китайских уйгурских войск сообщили агенты местной разведки, поэтому казахские военные начали спутниковое слежение и выяснили, что их целью является плато Памир, поэтому они могли быть полностью готовы.

Они атаковали китайские войска, когда те находились в состоянии покоя после того, как с трудом поднялись по склону с тяжелым оборудованием.

Тем не менее, это было неудачное сражение, в котором 149 молодых людей под командованием командира были убиты или ранены.

Конечно, это произошло из-за гибели командира на ранних стадиях сражения, но если бы система командования была надежной, то командовать подразделением мог бы командир следующего более низкого ранга.

Войска потеряли хладнокровие и понесли многочисленные потери, атакуя вражеские силы напрямую, когда они имели дело с многочисленными артиллерийскими орудиями и самоходными орудиями вне пределов досягаемости, этого было бы достаточно, поскольку китайские войска все равно не смогли бы выдержать суровые условия боя на Памирском плато.

Тем не менее, одержать огромную победу над мощным механизированным подразделением такой ценой было огромным достижением.

Китайские военные и китайское правительство были в панике.

Это было самое крупное поражение со времен пограничного конфликта с Советским Союзом - операции, которая привела к неизгладимому поражению из-за просчета командующего.

При таком наихудшем сценарии командующий западной границей каким-то образом остался на своем месте, несмотря на то, что 800 китайских солдат были ранены, убиты или взяты в плен.

Как и ожидалось, китайское руководство как будто не заботилось о жизни простых солдат.

Не желая долго наблюдать такую реакцию, Юнхо быстро вернул пленных китайской стороне,

потому что удержание раненых и пленных стоило бы Казахстану только лечения и продовольствия.

Кроме того, было лучше отправить их в Китай как можно скорее на будущее, поскольку не было никакой гарантии, как долго продлится этот спор.

Ему нужно было проявить некоторую щедрость по отношению к Китаю, чтобы оставить место для примирения и переговоров.

Это не означает, что он стремился улучшить отношения с Китаем, но не следует торопиться, не продумав стратегию выхода.

В любом случае, эта битва была достойной страницей в современной истории боевых действий.

Далеко не сочувствуя, мир без колебаний критиковал Китай, даже несмотря на то, что Китай был практически уничтожен казахскими военными при продвижении на Памир.

Причина заключалась в том, что Китай злоупотребил своей властью, первым напав на слабую страну. Такая критика была вызвана тем, что если оставить Китай без контроля, то он будет проецировать свою мощь на другие страны.

В ответ китайское правительство настаивало на том, что оно является жертвой, говоря, что это была

это была просто демонстрация силы, но казахские военные совершили внезапное нападение без объявления войны.

С казахской стороны это было бессмыслицей, поскольку войска защищали свою страну только тогда, когда китайские войска вторглись на ее территорию. Если бы китайские войска не перешли границу, не было бы смертей и среди казахских военных.

Что бы ни говорил Китай, Казахстан не реагировал.

Причина, по которой Китай придерживался принципа отсутствия ответа, заключалась в том, чтобы выразить свое намерение безоговорочно напасть без предварительного предупреждения, если его территория будет нарушена.

Хотя королевская семья и правительство хранили молчание, мир и народ Казахстана день за днем продолжали критиковать и нападать на Китай соответственно.

С победой на Памире народ Казахстана полностью избавился от страха перед Китаем, что тоже было нежелательно, потому что казахская сторона победила в этот раз только из-за недостаточной подготовки и стратегии китайской стороны.

Тем не менее, с китайскими силами нельзя было не считаться.

Китай непременно будет провоцировать любым способом, чтобы отомстить за свое поражение на Памирском плато.

Доказательством тому было то, что командующий западной границей не был заменен.

Это означало бы, что ему был дан шанс отомстить и восстановить свое имя.

Военные Казахстана были полностью готовы, ожидая более сильного нападения.

После закрытия границы она была полностью укреплена.

Агенты разведки, работающие в различных частях Китая, также проверяли передвижения китайских войск, а Китай тщательно изучался с помощью военных спутников.

Китайские военные также подробно проверяли передвижения казахстанских войск через спутник, но обращать особое внимание было не на что, потому что военные уже разместили все необходимые войска на границе.

Теперь Казахстану необходимо было взбудоражить другие места, чтобы расшатать нервы китайских военных, пока они не спровоцировали Казахстан первыми.

Члены уйгурского ополчения, прошедшие подготовку в Афганистане, проникли в Тибет через плато Памир в Таджикистане.

Они выбрали Нгари, столицу пограничной тибетской области, граничащей с Таджикистаном, в качестве своей базы вооруженного протеста, чтобы иметь возможность в любое время переезжать в Таджикистан и Афганистан в соответствии со своими потребностями.

Это был не только район, где можно было легко поддерживать военные поставки, но и единственный район с преобладанием мусульман в Тибете, буддийской стране.

В декабре в Тибете, как на плато, зимой было довольно холодно, но для уйгуров из Синьцзяна этот холод был нипочем.

По сравнению с синьцзян-уйгурскими холодами, погода в Тибете была похожа на весенний день.

Хотя уйгурские ополченцы хорошо переносили холод, на них была зимняя форма, выданная королевскими телохранителями.

Уйгурские ополченцы, которые вошли в город под покровом темноты, тяжело дыша, наблюдали за зданием, которое было хорошо освещено охранными огнями.

Их целью сегодня было здание подразделения Народной вооруженной милиции в Тибете.

По команде командира экипаж быстро скрылся в противоположном переулке.

Все члены экипажа двигались в идеальном порядке, уже несколько раз отрепетировав.

Они были вооружены только переносными ракетами и личными винтовками, но для них не было ничего страшного в том, чтобы совершить налет на полицейское подразделение.

Это объяснялось тем, что местная служба безопасности была очень слабой.

В Тибете часто проходили мирные протесты с призывами к независимости, но никогда по требованию правительства Далай-ламы в изгнании, которое использовало ненасильственные движения за независимость в качестве своего девиза.

Народная вооруженная полиция или тибетское военное командование в Тибете было организацией, которая проверяла Индию или Бутан, а не организацией, которая следила за тибетцами.

Именно поэтому охрана была необычно нестрогой.

В безлунную ночь были видны костры из оружия, приготовленного примерно 20 уйгурскими ополченцами.

Это был момент, когда в Тибете поднялся занавес вооруженной борьбы за независимость.

Ревущие переносные ракеты разбили окна здания и разрушили его.

Здание быстро вспыхнуло, взрывы раздавались каждые несколько секунд.

Народная вооруженная милиция, которая спала внутри здания, в смятении бежала из здания, но их ждали автоматы АК.

Громкие выстрелы, похожие на звук жарящихся бобов, разбудили зимнюю ночь Тибета.

Это было настолько внезапное нападение, что не было слышно ни тревожных звонков, ни сирен, но звуки выстрелов говорили людям о том, что происходит.

Уйгурские ополченцы, полностью разрушившие здание, ушли без единого звука.

Подобные нападения происходили не только в подразделении Народной вооруженной милиции.

Такая же ситуация произошла в правительственных учреждениях по всему городу Нгари.

Однако там не было людей, так как была глубокая ночь.

Примерно через 10 минут в тибетском военном командовании прозвенел тревожный звонок.

Когда китайские войска, расквартированные в Нгари, появились на месте происшествия, пожарные машины тушили огонь после прибытия.

В это время войска, расквартированные в Нгари, также подверглись нападению уйгурских ополченцев.

Десятки переносных ракет уйгурских ополченцев и сотни пуль полетели в пустое пространство, где находилась большая часть войск, оставленных по тревоге.

Это была атака не с целью убить кого-либо, а с целью уничтожить подразделение, поэтому они немедленно отступили, когда китайские военные ответили.

Сбитые с толку китайские войска открыли ответный огонь, но они не осмелились выйти из части, так как были потеряны в результате внезапной атаки.

В то время как китайские чиновники и военные руководители были в замешательстве, уйгурские ополченцы, которые с легкостью выбрались из города, рассматривали, не было ли ошибки в сегодняшней операции в заранее построенном укрытии за городом.

Тибетская молодая кровь думала, что наконец-то открыла новую главу в вооруженной борьбе за независимость Тибета.

Они завидовали борьбе уйгуров за независимость.

Наконец, в Тибете осмысленные люди начали бороться за независимость.

Они были в отчаянии, потому что их движение за независимость без насилия, возглавляемое правительством в изгнании, казалось бессмысленным.

Это объяснялось тем, что Китай даже не дрогнул бы бровью, даже если бы тибетцы боролись за независимость ненасильственными методами в течение ста лет.

Ни мир, ни даже индийское правительство, которое само имело правительство в изгнании, не признали тибетское правительство в изгнании, как будто верили, что у тибетцев есть воля к независимости.

Учитывая то, что правительство в изгнании, которое продержалось более 50 лет, сделало до сих пор, было ясно, что его политика не работает.

Только когда происходило кровопролитие и вооруженная борьба, люди во всем мире могли обратить внимание и помочь, поскольку не было страны, которая помогла бы тибетцам, не проявившим сильную волю к независимости.

С другой стороны, с уйгурами все было иначе. Их поддерживала каждая страна благодаря их постоянной вооруженной борьбе за независимость, несмотря на притеснения со стороны Китая.

Вслед за Тибетом вооруженная борьба возобновилась и в Синьцзян-Уйгурском районе.

Некоторые из уйгурских ополченцев, прошедших подготовку в Афганистане, проникли в Синьцзян-Уйгурский автономный район и спровоцировали внутреннюю борьбу, поощряя местные силы.

Гнев уйгуров, вызванный насильственным подавлением китайской вооруженной полицией недавней демонстрации с требованием прекратить чрезмерные проверки, привел к вооруженной борьбе.

Китайские военные, которые были обеспокоены только казахской границей, не смогли прийти в себя после того, как Тибет и Синьцзян-Уйгурский автономный район восстали против них одновременно.

<http://tl.rulate.ru/book/27517/2193622>